

<https://cyberleninka.ru/article/n/naselenie-zapadnoy-sibiri-v-gody-vtoroy-mirovoy-voyny-1939-1945-gg> (дата обращения: 10.10.2020).

7. Лундстрем О.Л. Как мы возвращались из Шанхая. Из фильма «Осенние портреты». Дорога домой. Телекомпания Альма Матер, 1998; Из беседы с В. Дерингом, Казань, май 2008 г. Из собр. Л.П. Черниковой.

8. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 124.

9. АВП РФ. Ф. 100. 1948 г. Оп. 35. Пап. 138. Д. 8.

10. Ремарк. «Тени в раю». <http://www.peremeny.ru/blog/9767#more-9767> (дата обращения: 14.12.2011).

11. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 124.

12. ГАХК. База данных БРЭМ: Чепцов Павел Васильевич. Даты документов 1936-1948. 5 листов.

13. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 123.

14. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 125.

15. Местные советские граждане в Китае (включая Синьцзян и Маньчжурию) // АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. 1947 г. П. 132. Д. 48.

Л.И. Шерстова, доктор ист. наук, профессор
Томский государственный университет (г. Томск)
Sherstova58@mail.ru

УЛУСНАЯ ТРАДИЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА СИБИРСКИХ НАРОДОВ В XVII – НАЧАЛЕ XX В.: ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Несмотря на то, что проблеме выделения евразийской цивилизации в отечественной историографии и общественно-политическом пространстве уделяется значительное внимание, чаще всего это сводится к идеологизированным и геополитическим конструкциям. Между тем в исследованиях основателей концепции евразийства П. Савицкого, Н. Трубецкого, Г. Вернадского, а также Л. Гумилева заложены методологические принципы определения специфики евразийской цивилизации. В связи с этим особое значение приобретает понятие «месторазвитие», по поводу которого

П. Савицкий писал: «Россия – Евразия есть “месторазвитие”, “единое целое”, “географический индивидуум” – одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический... “ландшафт”» [1, с. 283]. Образование такого ландшафта во многом являлось следствием этнокультурных процессов, протекавших в Северной Евразии. Поэтому евразийство можно определить как синтез культурных явлений, включая социальные институты и политические отношения разновременных и разноэтничных общностей как европейского, так и азиатского происхождения на территории Евразии, как результат широтных миграций населения как с Востока на Запад, так и с Запада на Восток. Вместе с населением непосредственно или опосредованно переносились культурные элементы и социальные институты, которые закреплялись у населения региона, принимая схожие формы и общепонятное содержание [2, с. 264].

Особое понимание связи «земли и людей», воплотившееся в концепции евразийцев, наложило отпечаток на восприятие ими российской истории. Поэтому в их работах большое внимание уделялось «монгольскому наследию» в развитии российского государства и государственности. В середине XV в. Золотая Орда рассыпалась на несколько небольших ханств. «Правители Москвы, – писал Г. Вернадский, – были достаточно проницательными, чтобы извлечь выгоду из нового положения вещей... С основанием в 1452 г. вассального княжества в Касимове Москва продемонстрировала, что она принимает на себя роль наследника Золотой Орды» [3, с. 21].

Из восприятия обитателей Сибири как «изначально» подданных Москвы проистекал государственный патернализм. Поскольку все народы Сибири (присоединенные и не присоединённые) считались заведомо «подданными» – с ними следовало обходиться «ласково, а не неволею и не жесточью».

О государственных интересах свидетельствуют указы Бориса Годунова (1604 г.) и Василия Шуйского (1608 г.) сибирским воеводам, дословно повторяя друг друга: «И они б сибирские земли всякие люди... и братью и дядью и племя и племянников, и друзей отовсюду призывали и волости полнили» [4, с. 140]. Отсюда – сохранение и даже создание таких податных единиц, которые бы определялись самим наличием тяглого контингента, а не жесткой

пространственной привязкой или четкими географическими границами. Поэтому сибирской администрации пригодилась давно воспринятая московской властью центрально-азиатская традиция государственного устройства через улус. Под этим термином в Золотой Орде подразумевалась не столько территория как таковая, сколько «владение»; народ, данный в феодальное держание [5, с. 118].

Возникнув в «кочевых империях Евразии» как наиболее удобная форма социальной организации, улус был воспринят монголами и в какой-то степени внедрен в московскую государственность, т.к. в допетровской Руси под влиянием монголов функционировала аналогичная административная система. «Каждый район..., способный выставить десять воинов в сочетании с другими такими же составлял сотню..., десять сотен – тысячу, десять тысяч образовывали тьму (от монгольского «тумен»)...., т.е. сформировалось такое административное устройство, в основе которого лежали не размеры территории, а численность подданных – прежде всего, трудоспособных (и боеспособных) мужчин – ревизских душ в Российской империи» [3, с. 74]. Таким образом, московские власти у большинства народов Сибири обнаружили уже привычную и для них форму образования административно-фискальной единицы, в основе которой лежали не размеры территории, а наличие населения, также имевшую центрально-азиатское происхождение, но несколько адаптированную к российским условиям.

Русская власть опиралась на уже существовавшую в Сибири податную систему – сибирские ханы собирали ясак с хантов и манси, ханты стремились подчинить манси, а ненцы – хантов; в степных пространствах от Урала до Енисея дань собирали калмыки (джунгары) и енисейские киргизы, кеты платили дань бурятам и тунгусам, а якуты собирали дань с тунгусов и ламутов и т.д. Перед русской властью стояла задача не столько создания административно-фискальных единиц, т.к. у большинства сибирских народов они были, сколько их переориентация в свою пользу.

Сибирские материалы XVII в. позволяют понять, насколько глубоко в московской государственности укрепилось евразийское понимание значимости численности подвластного населения для величия государства. Многочисленность зависимых людей, объединенных в рамках административно-фискальных единиц, в осно-

ве которых лежал «центрально-азиатский улус», чьим аналогом в Сибири являлась аборигенная волость, обеспечивала реальную и ментальную силу сибирских воевод, московских царей и государства в целом. Вопрос о праве на землю решался тезисом «чьи люди, того и земля», что существенно отличало московскую государственность от западноевропейской – «чья земля, того и люди», но сближало с центрально-азиатской и китайской моделями.

Важно также обратить внимание и на то, что образ московских правителей легко вписался в привычную картину мира сибирских аборигенов. Обычным эпитетом московских государей был термин «Белый Царь». В связи с этим напомним, что Золотая Орда вплоть до XV в. официально именовалась «Белая Орда». Ее распад и усиление Москвы воспринимались сибирским населением как политическая междоусобица в границах единого политического пространства, и, следовательно, одержавший верх правитель приобретал соответствующий титул и прерогативы. Таким образом, не только московские цари смотрели на себя как на наследников Орды, но и зависимое от монголов или находившееся под их контролем население Сибири воспринимало правителей Москвы в том же качестве. Это обстоятельство также облегчало продвижение русских по Сибири и снижало ментальное отчуждение от последних.

На укорененность евразийского представления об отсутствии прямой связи населения с землей в смысле государственности не повлияли ни модернизационные процессы Петра Великого, ни реформы М.М. Сперанского. С передачей Кольвано-Воскресенских горных заводов в безраздельное владение императрице Елизавете, все земли по Иртышу, Верхней и частично Средней Оби стали собственностью императорского дома, подчиняясь Кабинету Е.И.В. К началу XIX в. к заводам и рудникам было приписано фактически все сельское население Томского и Кузнецкого уездов, и в ведении губернских властей осталась лишь небольшая часть государственных крестьян и ясачные аборигены.

Таким образом, с середины XVIII в. аборигенное население Южной Сибири оказалось в ситуации, когда оно административно подчинялось губернскому правлению, а проживало на землях, принадлежавших Горному ведомству, т.е. Кабинету.

Особое положение Кольвано-Воскресенских заводов и их администрации косвенно затрагивало интересы губернских властей

на монопольное владение Южной Сибирью. Отсюда их явная незаинтересованность в розыске и наказании виновных, особая подозрительность по отношению к действиям чиновников горного ведомства. Губернские чиновники нередко открыто противостояли представителям Горного правления, защищая права подчиненного им населения. В 1830 г. в Томскую казенную палату обратился кузнецкий окружной землемер Павел Берестов. У него случился конфликт с шихтмейстером Нечкиным, поводом для которого послужило то, что последний наказал палками «лучшего из инородцев Андрея Мандеева губернского ведомства». Берестов «вошел в защиту обиженного», и тогда Нечкин обвинил его в том, что он «человек вредный и совершенно не знающий закона, т.к. вступился в разбирательство людей, себе не принадлежащих». Коллизию рассматривали лично Томский гражданский губернатор и главноначальствующий Колывано-Воскресенских заводов, после чего губернские власти потребовали издать специальное распоряжение «О вменении чиновникам со стороны Горного ведомства, командированным для размежевания земель, чтобы они отнюдь не дозволяли себе делать какие-либо притеснения, и тем паче обиды крестьянам или ясашным губернского ведомства» [6, л. 245-247].

Улусная традиция организации податного аборигенного населения проявилась в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.) в виде широкой автономии, позволившей ему иметь свое сословие, органы самоуправления, право на сохранение своего образа жизни, что подкреплялось правом «на земли, ими обитаемые». Проявлением несвязности населения и территории стало выделение нескольких экстерриториальных инородных управ. В этом смысле весьма показательным существованием в XIX – начале XX в. Кумышской и Шуйской инородных управ Томского округа, которые вообще не имели собственных территорий. Население Кумышской управы было разбросано по 20 селениям в 3 крестьянских волостях Томского и одной волости Кузнецкого округов. Эти аборигены ни в административном, ни в податном отношении не сливались с русскими крестьянами, хотя и проживали в смешанных деревнях и сильно обрусели.

Сибирские материалы XVII – начала XX в. конкретизируют черты евразийской цивилизации, проявлением которой, среди прочего, были «несвязность» территории и населения, а также и

стремление государства увеличивать численность подданных – т.е. того, что определяет суть центрально-азиатского улуса. Его укорененность в московской государственности позволила ему не только сохраниться, но и весьма причудливо трансформироваться, несмотря на административно-фискальные преобразования Сибири в XVIII-XIX вв., т.к. и сама Сибирь была частью евразийской цивилизации задолго до прихода русских.

Начало XX в. для Российской империи ознаменовалось усилением европейских тенденций в ее развитии, проявлением чего в Сибири стала административно-аграрная реформа П.А. Столыпина. Именно тогда, несмотря на сопротивление аборигенного населения, порой приобретающее ярко враждебную форму, окончательно были ликвидированы улусные традиции московской государственности. В результате преобразований аборигены были слиты с крестьянами, образуя в административно-фискальном плане единые волости, жестко соотносимые с конкретной территорией. Наконец-то сибирские народы были «привязаны» к земле, а их права и обязанности, за малыми исключениями, стали идентичными крестьянским. Евразийская цивилизация со своими социально-политическими институтами, культурным и ментальным наследием наконец-то и в Сибири уступила модернизационным процессам «европеизации». Двухсотлетнее противостояние двух цивилизационных начал в России фактически закончилось.

Список источников и литературы

1. Савицкий П. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
2. Шерстова Л.И. Мировоззренческие константы русско-аборигенных коммуникаций в Сибири // Коммуникативная культура: история и современность: мат-лы IX междунар. науч.-практ. конф-ции (в рамках Международного научного форума «Наследие»), 1 ноября 2019 г. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 264-271.
3. Вернадский Г.В. Русская история. М.: Аграф, 1997. 544 с.
4. Древнейший документ о нашем городе // Томск. Март-июнь. 1946. С. 138-142.
5. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 270 с.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 144. Оп. 2. Д. 21.